

ТЫКВЕННЫЙ ДЖЕК

РОМАН ГОЛОТВИН

18+

Роман ГОЛОТВИН
Тыквенный Джек

«Автор»

2023

Голотвин Р.

Тыквенный Джек / Р. Голотвин — «Автор», 2023

Студент-ролевик Саша одержим идеей найти экзистенциальный рубеж, границу, отделяющую этот мир от метафизического другого мира. Он уверен, что это не выдумка и однажды сможет туда добраться. Вместе со своей подругой он играет в увлекательную игру случайностей, предоставляя судьбе самой вести их по жизни. Случайные дни, случайные поезда, случайные станции, случайные люди. Он уверен, что именно так однажды сможет достичь своего экзистенциального рубежа. Что за ним -- он не знает, но в этом мире ему тесно, странно и одиноко. Впрочем, так чувствуют себя многие молодые люди. Чем он лучше или хуже других? Он мало знает о себе и даже не представляет, куда могут завести его поиски и в какую бездну он может шагнуть...

© Голотвин Р., 2023

© Автор, 2023

Роман Голотвин Тыквенный Джек

Джеку всегда казалось, что он обычный. Совсем не особенный, как писали в книжках, которые он иногда читал, не герой и не индивидуальность. Обычный, как все. Один из многих. Ещё Джеку казалось, что его зовут Джек, хотя на самом деле его звали Саша, Санёк, Санчо наконец, Александром, Сашенькой. Собственно, Джеком его звала только Эмма. Вот кто мог поверить, что он именно Джек и что он необычный. Тонкий, даже утончённый, рассеянно смотрящий поверх голов юноша с потерянными глазами и тёплыми влажными ладонями.

Эмма. На самом деле в миру она звалась Татьяна, но Джеку это имя не нравилось. Чудилось в нём что-то простое и скучное, как мертвая литература отечественных классиков. Эмма звучала совсем иначе. Глаза и веснушки у неё были совершенно нездешние, а маленькие и чуть оттопыренные уши просвечивали на солнце. Эмме подходило её новое, придуманное имя. Да и придумали они его вместе, когда случайно познакомились на очередной ролевой.

Такая путаница из имён Джеку нужна была, чтобы понять – вообще не важно, как зовут человека, если путь его вычерчен в пустоте несмываемыми чернилами. Это тётка Сашкина, Янина Генриховна, так говорила. Странная была женщина. С тех пор, как Саша от неё съехал, решив быть самостоятельным, она здорово сдала. Стала жить замкнуто, общалась со своими кошками и радиоприёмником, телевизор не выносила, газет не читала, но всё так же любила порассуждать о жизненном пути и, по некоторым признакам, сёрфила в интернете. Саше очень нравилась эта фраза про путь в пустоте и несмываемые чернила. Она вообще много рассказывала, и в какой-то момент уронила в плодородную почву своего племянника зерно, которое дало неожиданные всходы.

Отголоски того, о чём она вполголоса вещала под чай и честное слово никому не говорить, Саша потом где только не находил. И у Сартра, и у Камю, и даже у Фрая, которого недолюбливал за инфантильность. Тётка говорила об экзистенциальном рубеже. Саша это понимал как этакий перекрёсток миров, такое место, где из этого мира легко соскользнуть в другой, совсем чужой, и где вещи несут иную суть. В глубине души ему очень верилось в это, хотя он каждый раз зубоскалил и спорил, чем вводил тётку в смятение.

– Ты бесишь меня своей упёртостью, Сандро, – говорила Янина, – мне необязательно видеть Париж, чтобы знать о его существовании. Скажи на милость, что невозможного в «Двери в лето» Хайнлайна?

В этом месте Саша поднимал брови и собирался было пошутить про то, «где Хайнлайн и где Париж?», но не успевал.

– Человечество веками пишет о граничности мира и непознаваемом за этими границами. В конце концов, откуда-то лезет в нашу реальность всякая нечисть и куда-то потом девается? А мы всё списываем на то, что не можем померить её линейкой, и поэтому не верим. Милый, будь добр, не клади сахар в чай хотя бы у меня на глазах, это осквернение напитка...

Саша навещал тётку примерно пару раз в месяц, что-то всегда приносил с собой. Как и она когда-то в детстве приносила гостинцы. Теперь он словно чувствовал ответственность. Они пили чай, вкусный, зелёный, китайский, который тётке привозил один из её учеников. Чай был «реальный», как говорила тётка, и выдерживал пятнадцать заварок. Это внушало уважение.

– Но что там, за этим рубежом? – Саша разливал очередную заварку. – Мы же хотим похожей логики, но иной морали. Будто нам в этой реальности тесно. Никто же не возвращался оттуда.

– Если и возвращался, то никому об этом не рассказывал. – Тётка цедила чай из маленькой пиалы и закрывала глаза от удовольствия. – Подозреваю, там что-то сильно отличное от нашего. Это тебе не мухоморов нажраться и по лесу скакать, не думай, пожалуйста, что я

не читала этого вашего Пелевина. Не-е-ет, здесь что-то иное. Мне нравится, как Сартр об этом говорит. «Человек не поддается определению, потому что первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причем таким человеком, каким он делает себя сам». Ну а как себя сделать? Уйти и вернуться кем-то другим.

Это было страшно притягательно – думать так о путешествии за этот рубеж. Не так, как у Френка Баума, когда пришла толпа по дороге из жёлтого кирпича и потребовала исполнения заветных желаний, нет, это было очень наивно. Но найти там силу и вернуться другим – было бы круто. Саша закрывал глаза, но воображение буксовало, лезли только картинки из аниме.

Болтать с тёткой Саша любил, жалел её и поэтому заботился. Приходил, спорил, рассказывал новости, общался. Выносил мусор, уходя. Тётка была странная, и забота выходила тоже странная, что удивляться?

Таньке-Эмме это не очень нравилось. В этот раз Саша пообещал, что они наконец снова уедут на выходные поиграть, и опять сбил настрой, вспомнив про тётку. Эмме стоило большого труда отговорить его от очередного спонтанно-заботливого визита. Она вообще часто его отговаривала, ей казалось, что Джек располонивается, распадается на двух людей, когда собирается к этой экзистенциальной чаеманке. Это было плохо осознаваемое ощущение. Эмма смотрела на Джека, суетливо набирающего тёткин номер, и вся эта пыльца иностранности, нездешности, отчаянности их собственного свободного мира с окраины Парижа 1961 года начинала осыпаться. Джек становился Сашей: с тонкими пальцами, золотушными плечами и горбатым носом, студентом, вечно голодным и кривящим нервные губы в постоянной полуулыбке. Саша ей не нравился, хотя она частенько видела его за уверенным обликом Джека.

Когда они занимались сексом, она закрывала глаза, слышала его дыхание, чувствовала его влажные руки на своих бёдрах, но видела в своём воображении именно Джека, аристократичного высокомерного байстрюка, выгнанного благородными родителями из дома и лишённого наследства и средств к существованию. Джек был сзади, ускорялся, пытаясь поймать убегающего внутрь нее белого кролика. В этот момент её накрывало мокрое и лиловое ощущение распускающегося цветка. Цветок распускался и тут же скручивался в сладко-тянущий узел. Рассмотреть что там дальше не получалось, потому что Джек отваливался, роняя капли на её икры и лодыжки, и когда она падала сама, то видела краем глаза только Сашу.

Вот и сейчас именно Сашенька суетливо натягивал джинсы и одновременно тыкал что-то в мобильнике. То есть совсем не забыл о своём намерении «не навещать» и даже торопился скорее закрепить его вроде бы необязательным звонком. Ему казалось, так правильнее, если он звонит тётке вроде бы случайно и как бы случайно заходит в гости.

Таня смотрела на него и чувствовала досаду и обиду тем местом, которое обычно чувствует другие вещи. Это было странно, но в этот момент она могла бы поклясться, что обижена на Джека именно та «она», всё ещё чуть зудящая и красиво вывернутая плоть между ног. Карман, так и не сумевший удержать торопливо вынутую руку. Вот как она ощущала себя в эту минуту. Её красоту предали, променяли на призрачный долг. Ещё она ощущала тепло на кисти руки от случайного солнечного зайца на покрывале и сквозняк из окна внешней стороной голого бедра.

Оставшись одна, она собиралась неспешно и рассеянно. Что взять – не особо выбирала, поездка – игра, сборы – тоже игра. Положила в рюкзак недочитанного Мисиму, скомкала ветровку. Словно проснувшись, вздрогнула и пошла на кухню делать бутерброды. Резала варёную колбасу и представляла поездку как путешествие, откуда она вернётся другой. Эта боязнь перемен томила её, мелькала то в оранжевой полоске отражённого зеркалом солнца на полу, то в пойманной краем уха мелодии из приёмника, то в отблеске ножа, разрезающего колбасную упругую плоть. Воздуха не хватало, хотелось дышать глубоко, и она задумчиво мастерила из хлеба и колбасы этажерки и дышала. Потом плотно завернула все небоскрёбики в бумагу, уложила в рюкзак сверху и побрела в душ.

Вода сбила сонный настрой. Страх, едва отражающийся в зеркале, пропал. А когда она, роняя капли на рассохшийся паркет и оставляя на нём тёмные маленькие следы, прошла на балкон, угроза стать другой даже не ощущалась на краю сознания. Ветер охлаждал мокрые ноги, забирался под полотенце и словно нащёптывал что-то неразборчиво.

Сзади хлопнула входная дверь. Сквозняк приподнял край неплотно завязанного полотенца, погладил её поджавшийся живот и сбежал.

Джек, а это уже точно был Джек, крикнул из комнаты:

– Погнали, по дороге высохнешь.

И они погнали. И были наспех натянутые джинсы, и дурацкий смех, и мокрые короткие волосы, и даже необязательный трёп быстро смешался сначала с духотой автобуса, а потом с грязным шумом вокзала. Игра началась, и Эмма была благодарна ей за эту необязательность, спонтанность и отсутствие цели.

Рамка металлофиксатора мигала красным огоньком неисправности, охранник болтал с подружкой в такой же черной форме, и они быстро пробежали в зал ожидания. Каждому хотелось быть первым.

– Пять! – крикнула она, подбегая к табло.

– Семь, – Джек догнал её сразу и, запыхавшись, встал сзади, дыша в затылок. Ему часто хотелось, чтобы от дыхания её волосы приподнимались и танцевали, но она коротко стриглась и лишь проводила ладонью, когда он так дышал. Давала понять, что ей нравится и она это чувствует.

Они отсчитали двенадцать строчек вниз, и Эмма радостно выдохнула. Название станции ей понравилось. Она отдала рюкзак Джеку и помчалась покупать билеты. В общем-то в этом и был смысл. Неподдельность, никаких планов, только слепой случай. И дальше, дальше, чувствуя, как пульсирующая нить судьбы тащит их тела и души неизвестно куда. Эмме это виделось хаосом, но Саша знал, куда хочет. Вернее, надеялся, что знает. Мечтал, что однажды работает и это произойдёт. «На границу миров не приехать по билету. Прямой путь не самый короткий. Смотри краем глаза, лови знаки, меняй планы. Случайный выбор может стать нужным. Только не собираясь в путь, можно начать двигаться». Фраза, запомненная в каком-то из их с тёткой споров, звучала офигенно. Наравне с той, про несмыслимые чернила.

А ещё было совершенно не важно, как они будут возвращаться.

«Тот, кто бережёт силы на обратный путь, никогда не вырвется за грань», – повторяла Эмма цитату из какого-то фильма. Джеку нравилась эта её надрывность, готовность к поступку и то, с каким безусловным самоотречением она делала что-то для него. Просто брала и делала. Не подстраивалась, не пыталась угодить. Никто и никогда не делал для него такого раньше, и это рождало где-то внутри горячую и до дрожи пробивающую благодарность.

Сейчас Саша нелепо топтался в центре зала и виделся себе чужим и дурацким даже в этой суеде приезжающих и уезжающих людей. В желудке тлела тёткина шарлотка, залитая чаем, в голове звенело слово «Цугцванг», услышанное в каком-то подкасте. Как удар алебардой в щит, лязгающе-безнадёжное. Цуг-цванг! Рюкзак Эммы был легким, она явно следовала своей идее «не беречь силы на обратный путь», и он с неудовольствием поправил на плече свой рюкзак. Тот был явно тяжелее, и Саша не вдруг вспомнил, что не выложил зеркалку, пустой металлический термос и два ролевых пистолета-муляжа.

«Да ну и черт с ними, – подумал он, – сделаю пару смешных фоток на природе. Но хорош бы я был сейчас». Он запоздало представил, как охранники на входе сначала изумленно пялятся в экран этого своего просвечивающего аппарата, а потом ставят его к стенке и обыскивают, вызывая поспешно наряд из ближайшего ЛОВД. «То-то шуму было бы, – продолжал весело думать он, увлекаемый Эммой на платформу, – террорист-ролевик! Да не тащи ты меня...»

Старая электричка пахла как обычно, грязью, чуть-чуть дымом и креозотом. Джеку не хотелось прикасаться здесь ни к чему, но Саша был более покладист. Стараясь не глубоко дышать, он плёлся за Эммой по вагонам, ловя съезжающиеся со скоростью гильотины двери, и постепенно перестал морщиться. Пистолеты давили в спину в рюкзаке.

Тяжёлые, максимально похожие на настоящие. Они и были почти настоящими. Заботливо отлитыми, выточенными, отшкуренными, собранными из частей и смотрящимися в руке невероятно реалистично. Да, не было затворных рам, была только видимость. Но оуцш-ш-ш-ш, как это круто смотрелось!

Эмма, оказывается, отсчитывала сначала пятый вагон, потом седьмую лавку, которая не была занята, потом упала на неё, задрвав длинные ноги на скамейку напротив. Никто не возражил. Вагон оказался почти пустой. Громыхал на стыках, потряхивал и раскачивался. В белёсом свете из окон он казался скорлупой, пустотелым раздутым плодом с высохшими семенами, перекатывающимися внутри. Семенами, одним из которых чувствовал себя Джек. Тыквенный Джек, семечко в высохшей тыкве...

Сашин билет, который Эмма сразу вручила ему, оказался счастливым. 717717. Тётка научила определять это ещё когда он был маленьким и ездил с ней в сад. Показывала, как сложить цифры, какие варианты бывают и как вычислить счастливый билет даже тогда, когда цифры все разные. Заметить, так сказать, счастье даже тогда, когда его не видно на первый взгляд. Уловить на границе зрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.